

Г. В. КОПЕЛЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ ДО ВОСПОМИНАНИЙ «В ЛАБИРИНТЕ МИРА» МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР

Статья посвящена трилогии классика французской литературы XX века Маргерит Юрсенар «В лабиринте мира», в которой писательница прослеживает историю нескольких поколений своих предков. Подробно анализируется жанровая специфика этого произведения, совмещающего в себе мемуары, автобиографию, семейную хронику, элементы исторического произведения и романа, эссеистические размышления. Рассматривается также значимость для Юрсенар таких общих понятий, как человек и его бытие, время, вечность, связь и преемственность поколений, и их отражение в ее книгах воспоминаний.

Ключевые слова: Маргерит Юрсенар, французская литература XX века, мемуары, автобиография, семейная хроника, связь поколений, жанровая специфика, исторический контекст, роль автора, понятие вечности

«Куда оно девается, ушедшее время? Где его обитель...»¹.

В мировой литературе XX века Маргерит Юрсенар – явление уникальное. Нечасто бывает, чтобы еще при жизни писателя причислили к сонму классиков и признали одним из лучших стилистов среди тех ее современников, что писали на французском языке. Почитатели ее дарования отмечали классическую ясность языка писательницы, его кристальную прозрачность, высокий полет ее мысли. Среди современных ей авторов Юрсенар, бесспорно, выделяется интеллектуализмом, эрудицией, глубиной и разносторонностью своих познаний.

Первая женщина, избранная во Французскую академию, Маргерит Юрсенар родилась в 1903 г. в Бельгии, с которой была связана родовыми корнями, имела французское и американское гражданство, с 1947 г. поселилась в США, где вела уединенную жизнь на острове Маунт-Дезерт («Пустынные Холмы») в штате Мэн и где в 1987 г. тихо ушла.

Литературное наследие писательницы включает более 60-ти сочинений: романы, повести, поэтические сборники, новеллы, пьесы, эссе, три тома воспоминаний, переводы. И жанры, и сюжеты она избирала самые разнообразные, и, тем не менее, между всеми ее произведениями пролегают связующие нити. Попытки их отыскать предпринимались неоднократно при анализе ее творчества. По словам Жана д'Ормессона, писателя, философа и дипломата, приветствовавшего Юрсенар речью при ее вступлении во Французскую академию, стихией, в которой обитает все вышедшее из-под ее пера, является история: «Мы могли бы сказать, что ваша мысль, ваши чувства, страсти, ваши надежды, ваш стиль

---

¹ Записные книжки Анны Ахматовой 1996. С. 644.

неотделимы от истории человечества»². Действительно, многие страницы ее книг повествуют о далеком прошлом, но эти ушедшие времена неожиданно оказываются необычайно нам близкими.

Еще в юные годы отец раскрыл перед будущей писательницей безграничные просторы античной культуры. Он же привил ей любовь к путешествиям, к древним и новым языкам, к философии и истории. Никогда не устаревающие античные сюжеты и образы, мифологизация действительности осознавались Юрсенар как вызов человека безжалостному времени. Мотивы вечности, безбрежного и вместе с тем замкнутого земного пространства, бытования человека в мире, где он заключен в географические и временные рамки, стали для нее предметом постоянных раздумий. Что канет в Лету, а что пребудет, пока пребудет человеческий род? Размышления о бренном и вечном писательница вкладывала в уста своих персонажей:

«Если люди даже и освободятся от чрезмерной кабалы, – с грустью констатирует император Адриан, – если они и избавятся от необязательных бед, то всегда останется в мире, для поддержания свойств человеческой природы, нескончаемая вереница подлинных бед – смерть, старость, неизлечимые болезни, неразделенная любовь, отвергнутая или обманутая дружба, скука обыденной жизни, оказавшейся менее яркой, чем она представлялась нам в наших проектах и рисовалась в мечтах, – все те горести, что коренятся в установленной богами природе вещей»³.

Жизнь человека скоротечна, но каждая судьба – это неповторимый огромный мир, который, по окончании земного срока, не исчезает бесследно, а становится частицей необъятной и безграничной Вечности. Философски осмысленное, понятие вечности постоянно притягивало писательницу, о чем свидетельствуют фрагменты интервью и ее многочисленные комментарии к своим произведениям, ее высказывания по разным поводам. 22 января 1981 г., в речи при вступлении во Французскую академию, воздавая дань уважения своему предшественнику, Юрсенар отмечала: «...Вероятно, никто лучше, чем Роже Кайюа, ...не впитал в себя эту аллюзию на схожие с геологическими слои времени, на неисчислимые частицы длительности, беспрестанно струящейся как песок, который будет нас заносить, когда нас не будет на свете»⁴.

Квинтэссенцией философских размышлений Юрсенар о вечном и бренном, о жизни, человеке, истории, об отдельных судьбах и судьбах сменяющих друг друга поколений стали ее последние крупные произведения – три книги воспоминаний. Их можно расценивать как своего рода «печать, поставленную Маргерит Юрсенар в конце своей жизни и своего творчества»⁵. В 1974 г. была издана первая часть – «Благочес-

---

² Ormesson.

³ Юрсенар 2004. С. 106.

⁴ Discours de réception de Marguerite Yourcenar.

⁵ Brignoli 1989. P. 11.

тивные воспоминания», за ними, в 1977 г., последовали «Северные архивы» и через десять лет, в 1988 г., третья часть – «Что? Вечность», опубликованная посмертно в незавершенном виде и названная строкой из А. Рембо. Но обозначенные временные рамки значительно расширятся, если погрузиться в творческую лабораторию Юрсенар и начать с истоков.

Свое предназначение для писательской стези Маргерит, тогда еще Крейанкур (псевдоним Юрсенар – анаграмма ее настоящей фамилии), ощутила довольно рано. Явление, наверное, не самое редкое, но в случае с Юрсенар поражает другое: многие из своих магистральных тем и сюжетов она задумывала на заре юности, а затем, в течение жизни, они вызревали и, прежде чем обрести окончательную литературную форму, всплывали отдельными эпизодами, отголосками в других ее произведениях. Таким «кочующим» стал сюжет ее мемуарной трилогии. «В двадцать лет я вынашивала огромный исторический роман, в который намеревалась вместить, дав волю фантазии, все поколения моей семьи»⁶. Действие этого романа – «Водовороты» – должно было развиваться на протяжении нескольких веков. И первое погружение в семейные архивы состоялось уже тогда. В этом замысле, отмечает А.-И. Жюльен, проявилась так свойственная уже зрелой Юрсенар способность «выткать текстуальные сплетения и с легкостью преступить границы между поколениями»⁷. В 1934 г. мотивы этого неосуществившегося романа прозвучат в триптихе повестей «Смерть в упряжке», где писательница обозначила эпоху и географические пределы, к которым будет возвращаться на протяжении четырех десятилетий: Северное Возрождение, середина XVI в., территории современной северной Франции, Бельгии, Нидерландов. Роман «Философский камень» станет в 1968 г. следующей ступенью на этом пути, а возвращение во Фландрию его главного героя Зенона повлечет за собой и его создательницу, которая вернется к хроникальному описанию своих предков. Однако между этим юношеским замыслом и его воплощением, в иной литературной форме, пролегает целая жизнь.

Водовороты собственной судьбы приводят Юрсенар к созданию другого произведения, которое может быть условно отнесено к жанру мемуаров. Этот факт акцентирует Ж.-Д. Бреден в своей речи при вступлении во Французскую академию, где он занял кресло Юрсенар после ее кончины: «...Начиная с 1971 г., ее тяга к перемене мест поутихла, и последующие восемь лет она проведет по большей части на своем острове. Это было связано с возобновлением работы над замыслом, который она вынашивала еще подростком: «мемуары, новые по своему жанру, где автор дотошно исследует сумму жизней, итогом которых он является»⁸.

⁶ Yourcenar 1980. P. 200.

⁷ Julien 2014. P. 226–227.

⁸ Discours de réception de Jean-Denis Bredin.

Действительно: писательница «вспоминает» главным образом о том, что происходило задолго до ее рождения, а заканчивается повествование, когда рассказчице едва минуло шестнадцать лет.

Название трилогии, «В лабиринте мира», Юрсенар, по ее собственному признанию, позаимствовала у Яна Амоса Коменского, выдающегося чешского педагога и писателя, чью книгу «Лабиринт мира и рай сердца» (1623) переводил на французский язык ее отец. Герой Коменского, Путник, путешествует в мире зла, откуда нет выхода. Сходный аллегорический лейтмотив изберет и Юрсенар для своих воспоминаний: отдельные жизненные пути символизируют для нее странствие человека по миру, где он неизбежно оказывается в лабиринте событий и судеб. Себя она видит далеко не только завершением родовых линий предков, но частью всего человеческого рода. В центре ее внимания не собственная биография, а желание показать, что каждый живущий на земле – неотъемлемое звено в череде поколений, среди неисчислимого множества тех, кто жил прежде, живет сейчас и будет жить после нас. «Когда я глубоко погружаюсь в моих ближайших предков, – рассуждает Юрсенар в беседах с М. Гале, – мне то и дело кажется, что я обнаруживаю между собой и ними некие точки соприкосновения, но ведь они могут найтись у меня и с вами, да и мало ли с кем еще. Я принадлежу, скорее, к человеческому тесту, нежели к одной или нескольким фамилиям. В этом мире, где все беспрерывно течет и меняется, вряд ли возможно отделить доставшееся от предков и привнесенное воспитанием от того, что витало в воздухе времени или досталось нам от других судеб, не так хорошо изведанных»⁹. Убежденность в том, что каждый человек – часть истории, проживаемой им каждодневно, и с течением лет становится достоянием Истории – важная составляющая писательского кредо Юрсенар, что было отмечено при ее вступлении во Французскую академию: «В историю погружены не только ваши герои. Вы сами – лишь фрагмент общества и одиссеи духа, плывущего через океан политических, экономических и социальных установлений. История для вас – очевидная данность, отчего ваша автобиография становится коллективной и три ее тома носят столь говорящее название – “В лабиринте мира”»¹⁰.

Вместе с тем, и в этом заключается автобиографичность трилогии, автор все время остается заглавным лицом. Юрсенар дирижирует своим произведением – и тогда, когда повествует о себе и других как рассказчик, и тогда, когда явно обнаруживает свое присутствие, упоминает о событиях, которые не связаны с хроникой семьи и произойдут еще не скоро, делится своими мыслями с позиции сегодняшнего дня. При этом, как справедливо отмечает М.Э. Плассе, «... хотя целью писательницы бы-

⁹ Yourcenar 1980. P. 204.

¹⁰ Ormesson.

ло попытаться обрисовать контуры своей идентичности, тем не менее, никогда... нет речи о личности Юрсенар (рассказе о Я), и от автопортрета мы крайне далеки. Идентичность, которую автор стремится обозначить, интересует ее не своим “содержимым”, а своей единственностью. Для Юрсенар речь идет о том, чтобы воссоздать всю эту “амальгаму”, сделавшую ее тем, кем она была при рождении, но над которой она не имела никакого контроля¹¹. Декларирование и утверждение своей единственности, полагает американская исследовательница, как раз и могло бы обеспечить Юрсенар такого рода контроль, чтобы тем самым, легитимизировать свое существование. Эта мысль имеет веские основания, но для Юрсенар важнее другое. Она далека от позиции традиционного мемуариста, который ведет хронику своей жизни едва ли не день за днем и пытается «хотя бы на миг удержать колечки дыма, радужные мильные пузыри, вроде тех, какими забавляются дети». «Все так легко забывается...»¹², – сокрушается она и ставит перед собой задачу проследить историю своей семьи от средневековья до сегодняшнего дня, показать, сколькими тысячами нитей человек связан с вселенной, понять, что из этих жизней продолжает жить в ней. Возможно ли расщепить личность и отделить наследие рода от общечеловеческого наследия? Что исходит от предков, что привнесено воспитанием, а что было подхвачено невзначай из сиюминутного? Все эти вопросы составляют глубинный подтекст воспоминаний, что оправдывает несколько разорванную ритмику повествования. Совмещение двух планов рассказа, историко-автобиографического и собственно исторического материала, постоянные переходы между ними настраивают читателя на восприятие частных проблем отдельного человека в общечеловеческом, бытийном ракурсе.

В двух первых томах Юрсенар описывает далекое и близкое прошлое своих предков по материнской и по отцовской линиям. Работу над этой частью повествования она строила так же, как и работу над своими историческими романами: как дотошный архивариус.

«В книге, которая вместе с этой должна составить своеобразный диптих, я попыталась воскресить супружескую пару начала нынешнего века, моих отца и мать, затем проникнуть в глубь веков, к предкам со стороны матери, обосновавшимся в Бельгии в XIX веке, и, наконец, довести повествование до Льежа эпохи рококо, а то и средних веков, хотя все больше пробелов, а силуэты все расплывчатее. Раз или два, усилием воображения, я попыталась дойти до Древнего Рима и даже более ранних времен. В этой же книге я бы хотела проделать обратный путь: отправившись из неизведанного далека, добраться, сужая угол зрения, но вглядываясь пристальнее в человеческие характеры, до Лилля XIX века, чтобы поведать о весьма достойной, но разобщенной супружеской чете крупного буржуа и состоятельной буржуазки времен Второй империи, наконец, о моем отце, вечно пребывавшем в бегах, о маленькой девочке, постигавшей жизнь на холмах

¹¹ Placet 1995.

¹² Юрсенар 2004. С. 63.

французской Фландрии в 1903–1912 годах. Если мне будут отпущены время и силы, возможно, я продолжу рассказ до 1914-го, до 1939 года, до тех пор, пока перо не выпадет из моих рук. Там будет видно»¹³.

Свой рассказ писательница успеет довести до 1914 г., а его «историческая составляющая», задуманная столь масштабно, потребует погружения в документы и источники. Привлечь придется не только тщательно изученные исторические труды – ей вновь понадобятся материалы, которые она собирала в семейных архивах в пору своего неосуществленного юношеского замысла. Помимо родовой хроники, будут скрупулезно проанализированы материалы из мест обитания ее предков, все, что сохранило устное семейное предание, письма, фотографии, а также генеалогические справочники, газетные статьи, публикации местных краеведов. При отсутствии документальных свидетельств помогали бережно сохраненные семейные реликвии: художественные безделушки, копия античного бюста, картина, дверные ручки из позолоченной бронзы в форме античных бюстов, брошь, перстень, собранный дедом гербарий со строками из великих поэтов у каждого цветка: «Ему было известно, что переживания и впечатления, как будто умершие навсегда, продолжают вечно жить в засушенном листке или цветке. Все то, что он не мог или не хотел сказать в письмах, воскресло в его гербарии: воздух времени, печаль или веселье, глубокие размышления, которые, будучи изречены, оборачиваются штампами...»¹⁴. В разных источниках иногда вскрывались противоречия, но так ли уж было важно непременно докапываться до истины по каждому мелкому эпизоду, факту, выяснять, звался ли ее далекий предок Жан-Луи или Жан-Батист? Ведь история, которую она нам рассказывает, во многом схожа с тысячами других историй и, в общем-то, из разряда самых обыкновенных.

Та маленькая девочка, что родилась в один из понедельников июня 1903 года, в восемь утра, что знает о ней взрослая Маргерит Юрсенар? Едва родившись, мы попадаем в сеть обстоятельств, которые определяют историю нашей конкретной жизни, оказываемся в лабиринте Истории как таковой. Как умудренной летами и опытом писательнице найти точки соприкосновения с той девочкой, какой она когда-то была? «...Чтобы отчасти преодолеть ощущение нереальности при отождествлении себя с нею, приходится, как если бы это была историческая личность, цепляться за обрывки воспоминаний, полученных из вторых, а то и из третьих рук, за сведения, почерпнутые из клочков разрозненных писем и записных книжек, которые поленились выбросить в мусорную корзину»¹⁵. Насколько ее рассказ окажется достоверным? Конечно, он неизбежно будет отступать от правды, будет полон неясных мест – ведь то, о

¹³ Юрсенар 1992. С. 33–34.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Yourcenar 1991. P. 707–708.

чем она собирается рассказать, сложится из многих историй, донесенных до нее семейной традицией, и каждый из повествователей мог вольно обойтись с доставшимся ему в наследство семейным сюжетом. Но что можно считать правдой в подобном повествовании, и всегда ли ее залогом является верность букве? «...Сохранившиеся обрывки голых фактов – единственный мостик между этим ребенком и мной, они – тот единственный буй, что удерживает нас обеих на волнах времени. С любопытством принимаюся я прилаживать их друг к другу – посмотрим, что из этого выйдет: возникнет ли образ кого-то одного или сразу многих, образ среды или образ местности, или появится на миг, там и сям, то, что не имеет ни имени, ни формы»¹⁶.

«Благочестивые воспоминания» открываются трагедией, которой оборачивается появление автора на свет – смертью Фернанды, давшей жизнь маленькой Маргерит, и посвящены предкам писательницы по материнской линии, семье Картье, одному из старинных льежских родов. История этого рода, насчитывающего немало священнослужителей, восходит к XIV в. и подробно изложена в главе «По старым замкам». «Вряд ли было бы интересно, – мимоходом замечает Юрсенар, – рассказывать историю какой-то одной семьи, если бы эта семья не приоткрывала бы нам окно в историю небольшого государства старой Европы»¹⁷. В первые годы XVIII века некто Луи-Жозеф де Крейанкур занимает важный пост в магистрате городской управы Льежа, города служителей культа, связанного с событиями первого крестового похода, колыбели Карла Великого. В той части воспоминаний, где речь идет о далеком прошлом, роль документальных свидетельств особенно велика. Документы, дополненные воображением, помогли писательнице воссоздать ряд противоречивых, разнородных судеб, оставивших след в семейной истории. Вот она повествует об Октаве Пирме – бельгийском прозаике и поэте второй половине XIX в. Мысль Юрсенар обращается к Зенону, главному герою ее романа «Философский камень», и в ее воображении встречаются два равно ей дорогих «персонажа»: Зенон, персонаж вымышленный, но вынужденно ограниченный историческими рамками, и Октав Пирме – хоть и реальный, однако во многом «домысленный».

Всего труднее рассказать о Фернанде, еще труднее – представить, как бы сложилась ее жизнь, если бы она прожила еще три или четыре десятилетия, и какими были бы ее отношения с Маргерит. Автор не знает, испытывала ли бы она к ней глубокую любовь или привязанность в силу привычки, или даже безразличие, ответа на этот вопрос нет, когда речь идет о людях, с которыми мы не были знакомы. Отношение к Фернанде у автора такое же, как и к другим героям ее произведений – и ре-

¹⁶ Ibid. P. 708.

¹⁷ Ibid. P. 750.

альным, и вымышленным: она их «вскармливает своей плотью, чтобы дать им жизнь или воскресить из небытия»¹⁸. Вместе с тем, сегодняшняя Маргерит, которая более чем в два раза старше тогдашней Фернанды, чувствует к ней безусловную симпатию, которой не знала прежде. Значит ли это, что, рисуя образ Фернанды на своих страницах, она лучше ее узнала и прониклась к ней дочерними чувствами?

В первом томе появляются и другие действующие лица трилогии. Это, в первую очередь, Мишель, отец автора, сквозной персонаж мемуаров, чья главная отличительная черта – благородство, это «невynosимая Ноэми» – мать Мишеля, с ее собственнической страстью к притяжательным местоимениям. О себе Юрсенар пока почти ничего «не вспоминает», в центре ее внимания – другие: и те, кого она никогда не знала, кто ей предшествовал, и те, кто ее окружал в детстве. В «Благочестивых воспоминаниях», после зачина, описывающего рождение главной героини, повествование уходит в далекое прошлое, блуждает по предшествующим столетиям. Временами автору позволяет обнаружить свое присутствие, чтобы, к примеру, рассказать о посещении в 1971 г. Льежа и его окрестностей и порассуждать о судьбе родных для нее мест¹⁹.

Переключка с будущим, которое еще не наступило для героев мемуаров, а для их автора уже стало прошедшим, обнаруживается на протяжении всей трилогии, эти реминисценции – факты, мысли, чувства не тогдашней, а сегодняшней Маргерит: «Детство и старость смыкаются, это два самых глубоких состояния, которые дано пережить человеку. Тот, кто любит жизнь, любит прошлое, потому что оно есть настоящее, каким его сохранила наша память»²⁰. То вдруг оказываются далеко позади сцены последних дней Фернанды, мы переносимся на пятьдесят лет вперед и вместе с Юрсенар, поглощенной пока еще не созданным «Философским камнем», впитываем атмосферу Мюнстера, попадаем в Гаагу, просматриваем, словно кадры документальной хроники, события напряженного 1956 года. Таких отступлений – личного или исторического характера – не так много, они органично вплетены в неспешное течение воспоминаний: совмещение временных пластов стирает границы между прошлым и будущим, они словно исчезают, и остается память.

В отличие от первого тома, хронологически выстроенного по нисходящей линии, «Северные архивы» движутся из прошлого в будущее и с первых строк погружают нас в эпоху галлов, кельтов, Юлия Цезаря. Затем рассказ устремляется вверх, вперед, и заканчивается ранними детскими годами автора. Второй том посвящен колыбели предков Юрсенар со стороны отца, той местности, которую она часто называет француз-

---

¹⁸ Ibid. P. 745.

¹⁹ Ibid. P. 766.

²⁰ Mallet 2011.

ской Фландрией. Географические рамки ограничены городами Байёль и Кассель, где у истока XVI в. начиналась история семьи Крейанкур. Своего рода рефрен рассказа о них – старинный дом в Байёле, олицетворение красоты, спокойствия и порядка. От Крейанкуров Юрсенар унаследовала жизнестойкость, а от отца, который в этом томе выходит на первый план повествования, артистичность натуры, творческое начало, способность видеть мир глазами художника. В «Благочестивых воспоминаниях» Мишель де Крейанкур представлен читателю как господин де К. и под этим именем выступает в начале трилогии, но постепенно его изображение обретает более четкие контуры, и вот уже перед нами просто Мишель. В определенном смысле, он принадлежит к когорте «лишних людей», к тем, кто во все времена пребывает в разладе с веком, для кого неприемлемы любые формы официального конформизма. Всю жизнь он пытается вырваться из тесного мира семьи с ее давящей атмосферой и буржуазной мудростью: становится простым солдатом, дважды дезертирует, попадает в Англию, ведет там рассеянный образ жизни, обосновывается в Бельгии, поближе к границе с Францией, путь в которую ему надолго закрыт, обзаводится, наконец, собственным семейным очагом. Мишель живет как будто играючи, пока в сорок пять лет не становится неожиданно вдовцом, после чего вступает в новый брак, за которым следует новое вдовство. Впервые Маргерит увидела в отце своего героя в пору замысла романа «Водовороты»: галерея его действующих лиц должна была протянуться от Зенона до Мишеля. По мере того как она все дальше уходила по дорогам своих воспоминаний, образ Мишеля становился все отчетливее, полновеснее, обретал свое неповторимое лицо, чтобы в третьем томе «возглавить» повествование.

Прежде всего, Юрсенар важно было запечатлеть тех из своих предков, которые, с ее точки зрения, обладали особыми «магнитными полями». По ее мысли, всякий человек на протяжении своей жизни проходит через серию «инициаций». Эти «испытания» определяют течение индивидуальной судьбы, приобщают человека к постижению вечных основ бытия, но они далеко не всеми бывают вовремя замечены и верно истолкованы. «Тех, кто переносит их, полностью осознавая происходящее, мало, и к ним быстро приходит забвение. Тем же, кто удивительным образом о них помнит, часто не удается извлечь из этого пользу»²¹. При создании портретной галереи предков, Юрсенар и стремится отыскать ключевые моменты на их жизненном пути, всматриваясь в давно прошедшие дни. Два-три таких «священных эпизода» – и вот уже перед нами характер, образ, жизненный путь.

Убеждение в том, что «людей заурядных не бывает», во многом определяет эстетику писательницы и ее подход к действующим лицам и

---

²¹ Юрсенар 1992. С. 168.

в романах, и в мемуарах, и в прочих сочинениях: показать «особость» героя, отыскать вневременные черты и жесты, включающие его в череду поколений. «...Выберем наугад хотя бы Франсуазу Ленуар или ее мать Франсуазу Леру. ...Эй! Франсуаза Леру! Она меня не слышит. Я прилагать немало усилий, и мне наконец удастся увидеть ее в доме с глинобитным полом (ребенком я видела похожие в окрестностях Мон-Нуар), подсмотреть, как она утоляет жажду пивом, ест серый хлеб и творог, разглядеть фартук на ее шерстяной юбке»²². Временная дистанция стирается, и вот уже Маргерит повторяет когда-то бывшие «жесты» – замешивает тесто, метет пол, собирает хворост. Бег времени оставляет следы на внешних приметах, сущность же человека все та же, способность страдать и радоваться меняется мало. Юрсенар верила, что истинное единение человек и мир обретают в Вечности, где времени вообще нет, поэтому она легко переступает границы эпох, совмещает свои ощущения с переживаниями предков. Более того: именно такого рода «совмещения» позволяют ей в деталях представить неуловимые, казалось бы, состояния души, зримо описать, как жили и поступали те, кого унесло время. Вот ее дед Мишель Шарль, выбиваясь из сил, бредет в ледяной ночи горными тропинками Греции: «Он чувствует, что умирает, а мы знаем, что он никогда не драматизирует. Мне самой случалось испытать это погружение в снег и усталость, и ощущение того, что главный жизненный мотор вашего тела останавливается, что вы дышите беспорядочно, что охватывающая вас паника – предвестие агонии и что смерть, если она придет, только поставит в ней последнюю точку. Поэтому я прекрасно понимаю смертельный холод, охвативший Мишеля Шарля»²³. Где-то рядом некогда блуждали Эмпедокл, император Адриан, блуждала и сама писательница. Отсылка к героям античности обозначена в эпиграфе ко второму тому из «Илиады» Гомера. И когда, словно стремясь защититься от чего-то неотвратимого, Мишель Шарль невольно закрывает лицо ладонью, жест его, суть которого для Юрсенар была и будет неизменной, как будто повторяет жесты героев античного искусства, ведь история слагается из индивидуальных судеб, каждая из которых – частичка Вечности. В строках Гомера, если их продолжить, акцентируются также сменяемость и преемственность поколений²⁴.

Действие двух первых книг заканчивается, когда Маргерит нет и шести недель. Фактически, она пишет о том, чего помнить не может, это не столько «воспоминание», сколько «воссоздание», «реконструкция».

---

²² Там же. С. 182.

²³ Там же. С. 166.

²⁴ «Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:

Ветер одни по земле развеивает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают».
(Пер. Н. Гнедича)

Действующие лица ее воспоминаний – образы собирательные, вобравшие в себя множество разных «знаний», «впечатлений», «ощущений», «представлений»: Мишель, каким мы видим его в сценах, предшествующих рождению дочери и следующих сразу за ним, неизбежно несет на себе отпечаток того, что узнает о нем Юрсенар в последующие годы.

Трилогия задумывалась как философски осмысленная и раскрытая вовне автобиография рода, поэтому работа над ней строилась так же, как и при создании исторического произведения, тем более что Юрсенар не видела принципиального различия между одним днем из жизни римского императора и одним днем из жизни семейства Крейанкур. Герои воспоминаний для нее такие же персонажи, как и персонажи ее исторических романов, и в этом смысле история поколения ее матери для нее точно такой же исторический сюжет, как и любой другой. Ее задача – не ограничиваться документальным материалом, а, отталкиваясь от него, показать прошлое таким, каким его увидела она, Маргерит Юрсенар.

В «Философском камне» вымышленные персонажи предоставили автору большую свободу, но обстоятельства и время действия – XVI век – ее существенно ограничивали. Примерно такой же баланс между «документом» и «домыслом» должны, с точки зрения Юрсенар, сохранять и воспоминания: «Возьмем “Благочестивые воспоминания” или “Северные архивы” – там я тоже полагалась на свое воображение, чтобы рассказать, к примеру, о том, как моя бабушка Матильда возвращается из деревенской церкви и какое счастье испытывает она, когда летним утром ступает прямо по траве, или о предсмертных мыслях моего деда Мишеля Шарля. Между тем, замысел требовал, чтобы все детали, даже те, что используют для литературного монтажа, были бы подлинными»²⁵. Она убеждена: воображением следует управлять так, чтобы не возникало ни малейшего сомнения в достоверности описанных автором событий. Под ее пером Фернанда, Мишель, Жанна – это уже не столько родные люди, сколько портретные изображения действующих лиц. Юрсенар точно так же вживается в образы, начинает жить их жизнью, рисует на десятках страниц несколько прожитых героем дней, описывая, например, поездку в Лондон своего деда, отца Мишеля, в «Северных архивах».

Независимо от воли писательницы авторское «я» в трилогии все время присутствует – ведь где, как ни в лабиринте ее памяти придется бродить читателю? Однако «я» Юрсенар отлично от прочих персонажей, ибо каждого из них она видела одновременно «изнутри» и «извне», самого же себя «извне» увидеть трудно. Можно ли вообще взглянуть со стороны на собственную жизнь? На этот вопрос Юрсенар отвечает строками из «Воспоминаний Адриана»: «Когда я рассматриваю свою жизнь, меня ужасает ее неопределенность. Жизнь героев, такая, как нам расска-

---

²⁵ Yourcenar 1980. P. 201.

зывают о ней, всегда проста: она устремлена прямо к цели, точно стрела... Контуры моей жизни менее отчетливы... Мне кажется, что ландшафт моих дней, подобно горному ландшафту, складывается из самых разных пород, в беспорядке нагроможденных одна на другую. Характер тоже представляется мне неоднородным: в нем перемешаны в равной степени инстинкт и культура. Там и сям на поверхности выходят гранитные глыбы неизбежного; куда ни кинь взгляд, вежде обвалы случайного. Я снова и снова пытаюсь пройтись вдоль своей жизни, найти в ней какой-то план, проследить от самых истоков золотую или свинцовую жилу, обнаружить, где берет свое начало подземная река, но весь этот обманчивый план – просто иллюзия памяти. Время от времени в какой-нибудь встрече, или в предзнаменовании, или в четкой последовательности событий мне видится перст судьбы, но слишком много дорог никуда не ведет, слишком многое не поддается подсчетам»²⁶.

«Что? Вечность» выйдет через десять лет после опубликования «Северных архивов». Заключительный том трилогии посвящен детству и отрочеству автора. Открывается он 1903 годом – рождением Маргерит, заканчивается годами первой мировой войны. Как и прежде, внимание автора всецело отдано узкому кругу лиц, избранных ею в качестве героев книги. Событий, связанных с войной, она почти не касается, ибо для нее важнее показать не сам исторический эпизод, а реакцию на него тех, кто это событие переживает. Писательница теперь становится полноправным действующим лицом, однако в первую очередь ее интересует не она сама, а Мишель, контуры его жизни. «Что? Вечность» – это не только этюд о детстве, это, прежде всего, история двадцати пяти лет последней трети жизни Мишеля. Это Мишель и смерть его первой жены – Берты; младшая сестра Мишеля, Мари, трагически погибшая от случайного выстрела охотника; Жанна, с которой после смерти Фернанды Мишеля связывало глубокое чувство. Как вспоминает Юрсенар о том, что осталось в ней из детства? «Самый простой и самый лучший способ – так сконцентрировать свое внимание, чтобы создать в себе вакуум и оставить лишь тот предмет или воспоминание, которые важны для вас. То, что однажды было зафиксировано в нашей нервной субстанции и может быть возвращено к жизни: достаточно напрячь память»²⁷. Читатель узнает о событиях, когда-то поразивших детское воображение: внезапное расставание с няней Барб, смерть старой таксы Трие, открытие мира книг. Юная Маргерит знакомится с Парижем, дважды в неделю посещает Лувр, от которого никогда не устает, вместе с Мишелем бывает в театре, читает классиков – последние дни «Прекрасной поры», предшествующие мировой катастрофе.

²⁶ Юрсенар 2004. С. 28 – 29.

²⁷ Yourcenar 1980. P. 214.

Живая ткань описываемых событий, характеров, биографических зарисовок выткана из множества хитросплетений – последняя глава третьего тома так и называется «Пересекающиеся тропинки». Фактически, вся эта глава, центральная фигура которой – муж Жанны Эгон, является плодом художественного вымысла, «поскольку Маргерит Юрсенар не имела возможности опираться на достойных доверия очевидцев»²⁸. Воссоздать образ самой Жанны, подруги матери, которая после смерти последней стала фактически членом их семьи, помогли несколько источников. Главный из них – Мишель, отец, который рассказывал о ней дочери до своих последних дней. Чем-то поделилась сама Жанна, чем-то, позднее, пожилые дамы, «разбавившие вино своих воспоминаний изрядным количеством воды»²⁹. Нередко Юрсенар использовала изобретенный ею прием «заполнения пустот»: подкрепить описание подробностями, заимствованными у других людей. Такие прототипы, поясняет она, должны быть максимально схожи с оригиналом и по своему внешнему и внутреннему облику, и по обстоятельствам жизни, быть с ними людьми «одной группы крови, иметь родственные души»³⁰.

Повествование в заключительной части трилогии движется скачками, мы следуем за разматывающейся нитью воспоминаний, которые то забегают вперед, то возвращаются назад. Рассказчик путает даты, об одних событиях повествует подробно, о других упоминает вскользь, мельком, ведь «память – не собрание документов, разложенных по порядку где-то в глубине нашего я; она живет и меняется, соединяет высохшие сучки, чтобы снова зажечь огонь. Этой избитой истине должно было найтись место в книге воспоминаний»³¹.

В третьем томе, где автор включается в действие как самостоятельный персонаж, его беседа с читателем становится доверительнее, Юрсенар чаще комментирует свой рассказ, делится своими размышлениями. Здесь уместно вспомнить классическое определение автобиографии как литературного жанра, сформулированное крупнейшим специалистом в этой области Ф. Лежёном. С его точки зрения, автобиография – это «ретроспективное прозаическое повествование, написанное реальным человеком о своем существовании, в котором он ставит во главу угла свою индивидуальную жизнь, в частности – историю своей личности»³². Конечно, трилогия Юрсенар – совсем не автобиография, и мы не найдем на ее страницах подробного изложения событий ее детских и юношеских лет. Скорее, это попытка создать некую автобиографию сво-

---

²⁸ Woerkum 2011. P. 251.

²⁹ Yourcenar 1991. P. 1238.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. P. 1384.

³² Lejeune 1975. P. 14.

их предков, завершающим этапом которой и является автор. Тем не менее, этот сложно выстроенный ретроспективный рассказ является и рассказом о становлении личности автора, в этом смысле автобиографическая составляющая в нем, безусловно, отчетливо прослеживается.

И все-таки отнюдь не история собственной жизни была главной целью писательницы. Завороженная «необозримостью времени»³³, она попыталась «найти в нем свое место и место других, от которых мы приходим»³⁴. В конце второго тома Юрсенар подчеркивает, что события собственной жизни интересуют ее своими точками соприкосновения с событиями жизни других – именно столкновения судеб помогают ей постигать смысл бытия. Собственная ее судьба – и в реальной жизни, и в жизни творческой – была долгим путешествием по свету, и каждый этап этого путешествия становился очередной ступенью в познании человека. 17 декабря 1987 года окончание работы над третьим томом воспоминаний будет прервано внезапной смертью Маргерит Юрсенар. Теперь трудно сказать, довела ли бы она свое повествование до 1939 года, как это первоначально планировалось. Впрочем, это не так уж важно, так как цель, которую ставила перед собой писательница, вполне ею достигнута – рассказать об отдельных судьбах, о представителях своего рода так, чтобы это одновременно был рассказ о Судьбе и Вечности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К.Н. Суворовой; вступ. статья Э.Г. Герштейн; науч. консульт., вводн. заметки к записн. книжкам, указатели В.А. Черных. Москва–Torino: Российский государственный архив литературы и искусства на русском языке, и Giulio Einaudi editore на других языках, 1996. 849 с. [Zapisnye knizhki Anny Ahmatovoj (1958–1966) / Sost. i podg. teksta K.N. Suvorovoj; vstup. stat'ya E.H.G. Gershtejn; nauch. konsult', vvodn. zametki k zapisn. knizhkam, ukazateli V.A. Chernyh. Moskva–Torino: Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva na russkom yazyke, i Giulio Einaudi editore na drugih yazykah, 1996. 849 s.]
- Юрсенар М. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 672 с. [Yursenar M. Izbrannye sochineniya: V 3 t. T. 2. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2004. 672 s.]
- Юрсенар М. Северные архивы / Пер. с фр. С. Ломидзе. М.: Прогресс–Литера, 1992. 432 с. [Yursenar M. Severnye arhivy / Per. s fr. S. Lomidze. M.: Progress–Litera, 1992. 432 s.]
- Brignoli L. Considérations sur L'Éternité // Société internationale d'études yourcenariennes. Bulletin № 3. Février 1989. Université de Tours. CAESARODUNUM. P. 10–15. URL: http://www.yourcenariana.org/sites/default/files/documents_pdf/Brignoli-s.pdf
- Discours de réception de Jean-Denis Bredin. URL: <http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-jean-denis-bredin>
- Discours de réception de Marguerite Yourcenar. URL: <http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-marguerite-yourcenar>
- Julien A.-Y. Marguerite Yourcenar et le souci de soi. P.: Hermann Éditeurs, 2014. 370 p.
- Lejeune Ph. Le pacte autobiographique / Collection poétique dirigée par G. Genette et T. Todorov. P. : Éditions du Seuil. 1975. 357 p.
- Mallet M. Sur les traces de Marguerite Yourcenar [2011]. URL: https://vk.com/marguerite_yourcenar?z=video19656447_171145261%2F6b6f8ab1bd655df3e4%2Fpl_post_-52757819_528

³³ Юрсенар 1992. С. 34.

³⁴ Julien 2014. P. 272.

- Marguerite Yourcenar répond à Bernard Pivot / Archive INA [07.12.1979]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zPso1bWh3DY>
- Ormesson J. d'. Réponse au discours de réception de Marguerite Yourcenar. URL: <http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-marguerite-yourcenar>
- Placet M.H. Legitimite dans l'Oeuvre Biographique et Autobiographique de Marguerite Yourcenar. (1995). LSU Historical Diss. & Theses. 6126. URL: https://digitalcommons.lsu.edu/cgi/view-content.cgi?article=7125&context=gradschool_disstheses
- Woerkum C. van. Personnages masculins et féminins dans le chapitre «Les sentiers enchevêtrés» de *Quoi ? L'Éternité* de Marguerite Yourcenar // Marguerite Yourcenar ou la culture du masculin / M.-J. Filaire (dir.). Nîmes: Lucie éditions. 2011. P. 245 – 255.
- Yourcenar M. Essais et mémoires / Bibliothèque de la Pléade. P.: Gallimard, 1991. 1693 p.
- Yourcenar M. Les yeux ouverts / Entretiens avec Matthieu Galey. P.: Éditions du Centurion, 1980. 319 p.

Копелева Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского государственного института культуры; gallia777kopeleff@yandex.ru

Memories before memories: «In the labyrinth of the world» of Marguerite Yourcenar

The article is devoted to the trilogy of the classic French literature of the XX century Marguerite Yourcenar «In the labyrinth of the world», in which the writer traces the history of several generations of her ancestors. The genre specificity of this work, which combines memoirs, autobiography, family chronicles, elements of historical work and novel, essayistic reflections, is analyzed in detail. The significance for Yourcenar of such general concepts as man and his being, time, eternity, connection and continuity of generations, and their reflection in her books of memoirs is also considered.

Keywords: Marguerite Yourcenar, French literature of the XX century, memoirs, autobiography, family chronicle, connection of generations, genre specificity, historical context, author's role, general philosophical problems, concept of eternity

Galina Kopeleva, PhD in philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, St. Petersburg State Institute of Culture; gallia777kopeleff@yandex.ru